

Копия

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС

В связи с тем, что 26.III.1961г., по поручению руководства партии я была вызвана в Комитет Партийного Контроля по вопросу о Бухарине, прилагаю максимум усилий, чтоб вспомнить все мне известное, с целью установления истины.

Женой Б. я стала в 1935г., но еще за два года до этого я очень часто встречала Б. В 1934г. встречались почти ежедневно. Б. знаю с раннего детства, он был другом моего отца М.А.Ларина (Ю.Ларина) и постоянно бывал у нас. Не думаю, чтоб могли интересоваться мои детские воспоминания о Б., хотя некоторых из них возможно придется коснуться.

Итак начну в хронологическом порядке вспоминать события, которые могут интересовать. Зимой 1934г. был 17-ый съезд партии, на котором Б. вывели из ЦК и оставили кандидатом. Помню, он был очень огорчен этим, потому что рассматривал этот факт как признак того, что ему не до конца верят и говорил мне, что причин к этому нет никаких. Но огорчаться или обижаться Б. долго по своему характеру не умел, кроме того, это огорчение вскоре компенсировалось большой для него радостью. Он был назначен редактором "Известий". Радость у Б. проявлялась очень бурно всегда, и он кричал: "Ура, редакция, да здравствует редакция, опять редакция!" В Наркомтяжпроме, где он ведал научно-исследовательскими институтами, ему было скучно, но я помню он жалел расставаться с С.Орджоникидзе. В этот период, который я описываю, Б. чтобы отгородить себя от всяких подозрений, старался не встречаться с бывшими участниками правой оппозиции. Я говорю о преднамеренных встречах. Позже чем с остальными из бывших правых, Б. расстался с Е.Цетлиным. С Цетлиным Б. работал в Коминтерне, потом в Наркомтяжпроме. К Цетлину Б. относился хорошо, считал его умным и ценным работником, но кажется в 1934г. или раньше, я точно не помню, Цетлин был арестован. Б. был очень огорчен арестом Цетлина, говорил, что за Ефимку (как он его называл) поручился бы головой, что он ни к чему не может быть причастен и кажется не сразу, по поводу ареста Цетлина Бухарин решил написать Сталину или поговорить с ним, после чего по указанию Сталина Цетлин был освобожден, и Цетлин, не зная, что Бухарин ему помог, написал Бухарину очень злое письмо и работать с ним не захотел - уехал на Урал.

В этот период Бухарин никогда со мной не разговаривал о последних разногласиях с партией, это казалось пройденным этапом и несомненно радовался успехам страны искренне. Зимой 1936г. Бухарин был вызван в ЦК и ему было предложено выехать за границу для покупки архива Маркса. По этому поводу было постановление ПБ ЦК ВКП(б), которое было вручено ему и я его читала. В постановлении было сказано, что Бухарин направляется за границу - Австрию, Данию, Францию и мне кажется Бельгию (точно не помню) для переговоров с лидером австрийской социал-демократии, представителем II Интернационала Отто Бауэром, Даном (мне кажется, еще кое с кем, но всех не помню) по поводу приобретения архива Маркса. Выехал Бухарин за границу вместе с Адоратским из Института Маркса, Энгельса, Ленина и Аросьевым из ВОКСа. Переговоры затягивались и, насколько я помню, в начале апреля я выехала к Бухарину в Париж. В Париже Бухарин рассказывал мне, что он перечитал огромное количество материалов рукописей Маркса, которые представляют очень большой интерес, частично у нас в Советском Союзе имелись копии этих рукописей, многих не было совсем. Он рассказывал мне, что представители II Интернационала сначала запросили бешеные деньги, но что после длительных переговоров цена стала более или менее приемлемой. Бухарин рассказывал мне о своих переговорах с Даном, что в нем как ни в ком другом чувствовалась особенная враждебность и чтоб разрядить атмосферу он сказал ему: "что вы Федор (кажется) Михайлович, так плохо выглядите, так искудали?" На что Дан ответил: "это потому, Николай Иванович, что большевики выпили всю мою кровь, вы, видимо, поэтому так растолстели".

При последнем разговоре с меньшевиком Николаевским я присутствовала. В Париже мы сначала жили в гостинице "Лютеция". К нам в номер зашел Николаевский и спросил: "ну как, Николай Иванович, решили покупать архив или нет?" Бухарин предварительно разговаривал в ЦК, не помню лично со Сталиным или с кем-то по его поручению и ему было сказано, чтоб ни копейки не уступать, поэтому он ответил Николаевскому, что пока они не дадут ту цену, которую он им предлагает - не будут покупать. Николаевский сказал Бухарину, что большевики, видимо, очень дешево ценят Маркса, на что тот ответил, что это неверно, что если бы большевики не ценили Маркса, он бы и не приехал сюда за архивом, а если б меньшевики ценили Маркса, они бы не продавали архива, а передали бы в дар той партии, которая на практике осуществляет идеи Маркса и тут Бухарин начал с большим

увлечением рассказывать Николаевскому о преобразовании России, о ее хозяйственном, культурном росте, приводил много фактов, а потом сказал: "хотите убедиться, посмотреть своими глазами, поезжайте в Сов.Союз, я Вам это устрою", но Николаевский отказался. И они договорились еще раз встретиться, чтоб сообщить окончательное решение об архиве.

Вспоминаю, что наш посол в Париже, кажется в то время Потемкин, предупредил Бухарина, что ему сообщено представителями французского правительства, что немцы готовят покушение на него, я помню, что в тот же день французское правительство организовало охрану гостиницы, в которой жил Бухарин, и ему было запрещено выходить. Дня через два Бухарин переехал в посольство. Из посольства Бухарин снова разговаривал с ЦК относительно архива и ему было сказано, чтоб архив не покупать и выехать в Москву. По дороге в Москву из Парижа до Берлина рядом с нами в купе ехали немецкие шпики, когда поезд стоял на вокзале в Берлине, немецкое радио на вокзале передавало: сейчас в таком-то поезде, в таком-то вагоне находится видный деятель коммунист.партии России, бывший председатель Коминтерна, который возвращается из Франции, куда он был послан для организации там революции. Так в Москву архива не привезли и Бухарин очень жалел об этом, пытался несколько раз говорить об этом в ЦК, но ничего не удалось сделать.

В редакции "Известий" Бухарин работал с большим увлечением, в конце июля или начале августа 1936г. Бухарин уехал в отпуск на Памир. В августе начался процесс Каменева, Зиновьева, не помню в какой связи, кажется Зиновьевым, были упомянуты Бухарин, Рыков, Томский, Радек. Началось следствие по их делу. Процесс уже подходил к концу, но Бухарина все не было, он забрался в такие дебри, что о процессе ничего не знал. Позвонили из редакции и сообщили, что Бухарин самолетом вылетел из Фрунзе, или из Ташкента, это было в день вынесения приговора над Каменевым, Зиновьевым, на следующий день я встречала Бухарина на аэродроме. Состояние его передать трудно, человеческий язык слишком беден, чтоб выразить его словами.

Первое, что он меня спросил, приведен ли приговор Зиновьева, Каменева в исполнение, по газетам приговор был приведен в исполнение. Бухарин мне сказал, что он послал телеграмму Сталину с просьбой, чтоб не приводили в исполнение приговор над Каменевым, Зиновьевым до его приезда, чтоб он мог иметь с ними очные ставки. Это сделано не было.

С аэродрома поехали на квартиру в Кремль. Бухарин сейчас же стал звонить в ЦК Сталину, он оказался в отпуске в Сочи, разговаривал с Кагановичем и выехал к нему. По рассказам Бухарина, Каганович всячески успокаивал Бухарина, говорил разберемся, в ЦК привезли арестованного Сокольников, для очной ставки с Бухариным. Еще до отъезда в отпуск Бухарин рассказывал мне, что слышал об аресте Сокольников, арест Сокольников его ничуть не взволновал, но удивил очень, он говорил мне, пожимая плечами, в полном недоумении: "непонятно за что бы это могли арестовать Сокольников?"

После очной ставки с Сокольниковым Бухарин приехал потрясенный, рассказывал мне о ней. Подробно не помню, помню, что Сокольников говорил о параллельном правом центре и что Бухарин знал о контрреволюционной деятельности троцкистов. Бухарин свою вину отрицал. После того как увели арестованного Сокольников, Каганович выразился: "врет, б..., от начала до конца". Каганович успокаивал Бухарина, сказал ему, чтоб он продолжал работать в редакции, через короткое время после очной ставки с Сокольниковым было опубликовано сообщение прокуратуры СССР о том, что нет юридических данных для привлечения Бухарина, Рыкова, Радека к уголовной ответственности. Я помню, что после такого заявления прокуратуры к Бухарину стало поступать огромное количество писем, в которых писали, что все равно не верили и так рады, что разобрались. Письма были от самых различных слоев: интеллигенции, рабочих, писателей, поэтов русских и иностранных. Но Бухарин не был удовлетворен этим сообщением, говорил, что это все равно что написать не пойманный - не вор. Пошел на работу, там застал присланного из ЦК Таля, несколько дней походил, потом перестал, говорил, что Талья прислали, как он выразился, "политкомиссаром", раз доверия нет - нечего работать, в редакцию ходить перестал.

В первый день приезда Бухарина из отпуска ему позвонил Радек, захотел с ним встретиться, но Бухарин отказался с ним встретиться, считал, что это только осложнит положение, т.к. оба они следственные. Все же на даче, на Сходне, где жил и Радек, он явился к Бухарину и, сказав, что очень хочет с ним поговорить, выставил меня из комнаты, несмотря на то, что Бухарин ему сказал, что у него нет никаких секретов. Дверь осталась приоткрыта и я слушала разговор. Радек спросил Бухарина, как он оценивает события. Бухарин напомнил, что еще по телефону он его предупредил, что никаких разговоров с ним вести не будет, тогда Радек обиженно сказал: "ты что,

Николай, не веришь мне, думаешь я в чем-либо замешан? Конечно, мое положение сложнее твоего, потому что я был троцкистом, но я давно порвал с троцкизмом, я почти уверен в своем аресте, а ты возможно этой участи избежишь, я думаю, Сталин к тебе неплохо относится и тебя не так легко арестовать как меня, потому что троцкистом ты не был и тебя любит народ (или любят в партии - я не помню, точно как он выразился). Но как бы в дальнейшем моя судьба не сложилась, знай, что я ни в чем не виноват, а во всем, что происходит есть какая-то тайна". Простился и ушел. После ареста Радека прибежала его жена и передала, что Радек перед уходом просил Бухарина, чтоб он написал о нем Сталину. Бухарин колебался, стоит ли ему, в его положении писать о Радеке, да и мало было надежды, что Радеку такое письмо поможет. Все же письмо Сталину о Радеке Бухарин написал, писал, что по его впечатлениям за время работы в редакции у Радека ничего не могло быть: "а впрочем кто его знает". Так точно заканчивалось письмо. Потом я помню, что это письмо расценивалось на пленуме как конспирация.

В памяти моей сохранился вот еще какой эпизод. Бухарин был очень рад, когда прочел в газете, что из органов НКВД убрали Ягоду. О Ягоде Бухарин говорил как о разложившемся, о Ежове, как о честном и скромном коммунисте, который лучше во всем может разобраться. Назначение Ежова - это 3/4 победы над клеветой, говорил Бухарин. На декабрьском пленуме ЦК вопрос о Бухарине был отложен на следствие, по предложению Сталина. Началось следствие, пачками стали поступать показания на Бухарина. Бухарин к этому времени уже был в таком неуравновешенном состоянии, что не всегда мог даже читать их, прятал голову под подушку, плакал и дрожал и говорил мне: "читай, потом мне расскажешь, очень ли страшно и может ли нормальный человек в это верить. Всех показаний не помню. Запомнились показания Цетлина, который показывал, что Бухарин ему лично поручал убить Сталина, а когда-то стоял за террор против Владимира Ильича. Бухарин в те страшные дни чаще всего употреблял два слова: "Ничего не понимаю!"

По поводу показаний Цетлина он выразился, что клевете нет границ и рассказывал мне, что наоборот, он всегда оберегал жизнь Ильича, поэтому только во время обсуждения вопроса о явке Ленина на суд он стоял за неявку, опасаясь за его жизнь, когда левые эсеры, в период дискуссии о брестском мире хотели арестовать Ленина и Бухарин об этом узнал он пошел к Ленину и сам предупредил его об этом. Бухарин рассказывал также, что когда он узнал, что в Петро-

граде был убит Урицкий, он помчался к Ленину на квартиру и очень долго уговаривал Ильича не ехать на доклад, но Ленин его не послушал. Этим летом я читала воспоминание Крупской и прочла:

"30 августа сообщили Ильичу из Питера, что в 10 часов утра убит председатель Ленинградского ЦК Урицкий, вечером Ильич по мобилизации МК должен был выступать в Басманном и Замоскворецком районах, в этот день Бухарин у нас обедал и во время обеда всячески убеждал Ильича не ехать".

Н.К.Крупская - Воспоминание о Ленине, изд.1957г., стр.387.

По моим впечатлениям, Бухарин горячо любил Ленина. Имею впечатления и об отношении Ленина к Бухарину, хотя они связаны с ранним детством.

Это было в 1920г., мне было 6 лет, жили мы тогда в гостинице "Метрополь", тогда 2-ой дом ЦИК СССР. По указанию Ленина, отец мой был привлечен к работе в комиссию ГОЭЛРО, комиссия заседала у нас на квартире, в кабинете отца. Однажды, на заседание пришел Владимир Ильич, после окончания заседания Ильич и Глеб Максимилианович Кржижановский задержались у отца, пили чай и беседовали. Мне хотелось посмотреть на Ленина, я приоткрыла дверь из соседней комнаты и смотрела в щелочку, тогда Глеб Максимилианович понял, что я хочу посмотреть на Ленина и позвал меня в кабинет. Разговор, по-видимому, был о Бухарине, я не могу передать его содержания и не запомнила бы даже, что он касался Бухарина, если бы не одна произнесенная Ильичом фраза, смысл которой тогда я не поняла, но впечатление не забылось. Ленин сказал: "Да, Бухарин, это золотое дитя революции!" Мне казалось, что все, что говорит Ленин, обладает абсолютной точностью, я не поняла образности этих слов. Я решила, что Бухарин сделан из золота, а мать его зовут "Революция" и в изумлении я не выдержала и спросила: "как же он живой, если он из золота?". Все очень надо мной смеялись, а Вл.Ильич сказал: "Он несомненно из золота - посмотри, какая у него золотая бородка".

Помню также показания сибиряков (фамилии забыла) о том, что Бухарин якобы специально приезжал в Сибирь, чтобы организовать отделение Сибири от Советского Союза. Мне эти показания запомнились потому, что в Сибирь мы поехали по моему желанию. Мне предстояла дипломная работа на тему: "Технико-экономическое обоснование Сталинского металлург.комбината Кузбасса". Мне захотелось все посмотреть своими глазами и собрать материал. Я предложила Бухарину использовать свой отпуск в Сибири на Алтае с заездом в Кузбасс. Ну и больше всего, конечно, меня поразили показания Радека, потому что они расходились с тем, что я слышала сама из его же уст. Я всегда думала, как же так, если два вора воровали вместе, как же может быть, что с глазу на

глаз, один вор клянется другому, что он не воровал, таких случаев не бывает, или воровал один и второго хотел обмануть, или не воровали оба.

Когда Радек говорил о том, что в кабинете "Известий" они вдвоем обсуждали вопрос о необходимости убить Кирова, возмущению Бухарина не было границ. Это обвинение Бухарин переживал болезненно еще и потому, что Киров и Бухарин любили друг друга. Бывали друг у друга, несмотря на то, что Киров выступал резко против той политики, которую предлагал Бухарин в 1928г. Когда Академия наук СССР находилась еще в Ленинграде, Бухарин часто бывал у Кирова, когда в одну из поездок в Ленинград Бухарин заболел и слег в больницу, Киров проявлял максимум внимания к Бухарину - звонил и навещал в больнице. Отношения Кирова и Бухарина может подтвердить Зинаида Дмитриевна Кастельская, тогда учившаяся в аспирантуре Академии наук СССР в Ленинграде, теперь работающая в издательстве восточной литературы Академии наук СССР. Она сама мне когда-то об этом рассказывала. У нас было забрано большое количество фотографий Бухарина с Кировым.

Перед февральским пленумом начались очные ставки, которые происходили в ЦК, в присутствии членов Политбюро. Мне запомнились очные ставки с Пятаковым, Радеком, Сосновским. Все говорили примерно одно и то же, террор, вредительство, наличие правого параллельного контрреволюционного центра. Вид, как говорил мне Бухарин, у них был измученный, но особенно поразил его вид Пятакова: "это палка, на которую одет костюм, зубов нет". Орджоникидзе, посмотрев на Пятакова, спросил: "а как ваши показания, скажите правду, вынужденные или добровольные?" На что Пятаков ответил - добровольные - за спиной (или рядом - не помню) стояли представители органов НКВД. Бухарин свою вину отрицал.

18.П. ушел из жизни Серго Орджоникидзе. Нервы были напряжены. Бухарин никуда издому не выходил, узнал об этом по радио. Очень тяжело пережил Бухарин смерть Серго Орджоникидзе, считал, что он не выдержал тяжести того времени. "Вот он здесь бедняга Серго, наш Серго, мертвый, наша партийная совесть - кристаллически честный Серго, а я даже не могу с ним проститься". Серго Орджоникидзе жил за стеной. Все же Бухарин накинул свою кожаную куртку, которую носил с времен первых лет революции, собрался идти, но с летницы вернулся и сказал: "я же проклятый, меня еще выгонят". К вечеру он написал большую поэму о Серго, один экземпляр послал Сталину, другой Зинаиде Гавриловне Орджоникидзе и третий остался дома, взял

~~- 8 -~~

при обыске. Содержание не помню, помню только последние две строчки: "Он был словно гранит среди пламенного моря и рухнул в пену волн, как молния, гроза".

В последние дни перед пленумом Бухарин был в очень тяжелом состоянии, то ему ночью казалось, что подкладывают какие-то контрреволюционные документы в стену, а потом их обнаружат при обыске. Ночью спал мало, когда засыпал, бредил, говорил: "Это я хотел убить Кирова, сами Вы его убили убийцы!"

За несколько дней перед началом пленума Бухарин написал в ЦК, что он в протест против таких обвинений объявляет голодовку - смертельную голодовку и не снимет ее до тех пор пока обвинения не будут сняты, в противном случае просит его не трогать и дать ему спокойно умереть, есть перестал, силы таяли. Когда Бухарин получил извещение о пленуме, в повестку дня пленума был включен вопрос "о голодовке Бухарина" как об антипартийном поведении. Этот пункт повестки дня при тех обвинениях, которые были против Бухарина, показался ему смешным и он сказал: "раз мое антипартийное поведение еще террором и диверсиями не доказано - пойду на пленум. На пленуме к Бухарину подошел Сталин и сказал, обращаясь как прежде на "ты": "что же ты, Николай, кому ты голодовку объявил? Ты понимаешь, что ты сделал?". Бухарин ему ответил, что ему уже все безразлично, раз его из партии будут исключать - остальное безразлично, тогда Сталин сказал ему: "из партии никто тебя не будет исключать, извинись перед пленумом за свою голодовку и начинай есть, а то ноги протянешь". Бухарин выступил и просил извинения у пленума, объясняя голодовку неуравновешенностью состояния. Есть живые свидетели, бывшие на пленуме, и нечего терять времени, чтоб его описывать мне. Подходили к Бухарину на пленуме Надежда Константиновна и Мария Ильинична, говорили, что не могут понять, что же происходит. Мария Ильинична плакала.

После последнего заседания пленума, на котором была назначена комиссия по решению вопроса о Бухарине, Рыкове, Бухарин сказал мне, что в комиссию ввели Надежду Константиновну и Марию Ильиничну. Был этим возмущен и сказал: "бедняги-старухи, ввели их в комиссию, для того, чтоб показать народу, что семья Владимира Ильича тоже приложила руку к уничтожению Бухарина".

До решения комиссии Бухарин был дома, надежд бороться с клеветой больше не было. Бухарин сказал мне: я сейчас буду писать письмо, будущим руководителям партии, я хочу воспользоваться твоим возрастом - ты его передашь через много лет. Когда письмо было написано,

стал вопрос куда его девать, чтоб его не забрали при обыске. Он очень боялся, что при обыске будет обнаружено это письмо и начнут преследовать меня, Бухарин решил письма не сохранять, попросил меня его учить наизусть. Мне показалось письмо таким длинным, что это казалось неосуществимым, Бухарин отказался его сократить, учила день и ночь и письмо запомнилось. Ждали ареста, Бухарин не знал, что его вызовут на пленум, предполагал, что придут за ним домой, письмо дежало под руками, договорились так: если будет звонок в дверь - значит арест и обыск - он идет медленно открывать, а я уничтожаю письмо, но никто не приходил и я имела возможность повторить письмо. Бухарина вызвали на решение комиссии на пленум, перед уходом он сам письмо уничтожил, предупредил меня, чтоб нигде, ни единому человеку я об этом письме не говорила. После обыска я это письмо записала выученное. О своем аресте тогда я не предполагала, когда меня выслали в Астрахань, письмо увезла с собой (меня не арестовывали). 1 сентября в Астрахани (или 5 сентября) арестовали жену Тухачевского, Радека, Корка, Уборевича и я уже была настороже, снова уничтожила письмо, повторяла его, как физкультурную зарядку делала, 20-го сентября 1937г. и я была арестована. За эти годы в зависимости от ситуации я очень много раз писала письмо и снова уничтожала. Содержание этого письма совершенно точное, что касается изложения, есть конечно неточности, но очень незначительные, это почти копия.

После XX съезда партии у меня было намерение отвезти письмо в ЦК, но я все боялась, мне казалось, что разговаривать о Бухарине все еще преждевременно, боялась рисковать, имея двух малых детей. Передавая это письмо в ЦК, сбрасываю со своей души огромную душевную тяжесть, которая угнетала меня все последние годы.

Перед уходом, прощаясь, Николай Иванович сказал мне: "смотри, не обозлись, в истории бывают досадные опечатки. Советское государство дороже Бухарина. Расти сына, пусть будет коммунистом, обязательно большевиком, не забудь письмо!"

После ареста Бухарина во время обыска был увезен огромный архив. Было взято большое количество писем Ленина Бухарину.

Беда Бухарина заключалась не в том, что он был в чем-то виноват, он ни в чем не был виноват, но во многом был не прав. Бухарин фанатически любил народ, о нем действительно можно сказать словами Ленина - преданнейший (в письме к съезду). Умышленно он никогда не мог принести вреда сов.строю. Мог напутать в теории, принять

скоропалительно какое-либо решение, потом пожалеть об этом. Бухарин не был человеком сильной воли. В годы коллективизации он очень болезненно переживал так называемые "трудности роста". Возвращаясь к фактам. Помню как он прибежал к отцу, очень нервничал, рассказывал, что проезжал Украину, видел опухших от голода детей, просящих милостыню на станциях, что в Москве для того, чтобы достать кусок хлеба, надо с ночи становиться в очередь, что же в других местах? Что кое-где, в деревне начались восстания, что если грянет война - будет крышка! Помню, что отец ему ответил, что надо рассматривать эти годы как вторую революцию, как тяжелую неизбежность, во имя будущего. Когда в стране стало легче, Бухарин только радовался, он не был человеком самолюбивым и злопамятным. Он был увлекающимся, деятельным, необыкновенно живым, он не мог стоять в стороне от жизни. Пафос первых пятилеток - сама жизнь, захватила его в свой водоворот и понесла по правильному руслу.

Думать о том, что Бухарин мог продаться за 1,5 серебряника, как писали в те страшные времена - смешно. Даже свою зарплату Бухарин получал очень нерегулярно. Денежный эквивалент за жизненные блага Бухарину был не нужен. Лес, голубые небеса, птицы, бабочки, живопись - слияние с природой - самое большое жизненное благо, для этого много денег не надо было, а сапоги могли быть потрепаны, кожаная куртка со времен первых лет революции и старое дореволюционное пальто. Все гонорары Бухарин почти всегда отдавал, как он называл, "в фонд партии". Даже гонорар за свою речь, организованную Французской коммунистической партией и произнесенную в известном французском университете Сорбонны и изданную во Франции отдельной брошюрой-(валюту) он привез и отдал в ЦК. Вот такова правда, таковы факты.

В годы заключения меня вызвало одно ответственное лицо - Берия из лагеря к себе в кабинет. Берия сказал мне: "если хотите жить - молчите о Бухарине - будете говорить, будет вот что" и он поднял руку и пальцем указал на висок. Лгать он меня не научил, молчать, признаюсь, научил здорово, и я впервые вспомнила о Бухарине, о таком Бухарине, каким он был в действительности.

А.Ларина

29. III. 1961г.

В е р н о :

БУДУЩЕМУ ПОКОЛЕНИЮ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПАРТИИ

Ухожу из жизни! Опускаю голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной.

Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно.

Нет Дзержинского, постепенно ушли в прошлое замечательные традиции ЧЕКА, когда революционная идея руководила всеми ее действиями, оправдывала жестокость к врагам, охраняла государство от всяческой контрреволюции. Поэтому органы чека заслужили особое доверие, особый почет, авторитет и уважение.

В настоящее время, в своем большинстве, так называемые органы НКВД – это переродившаяся организация безидейных, разложившихся, хорошо обеспеченных чиновников, которые, пользуясь былым авторитетом чека, в угоду болезненной подозрительности Сталина, боюсь сказать больше, в погоне за орденами и славой, творят свои гнусные дела, кстати не понимая, что одновременно уничтожают самих себя – история не терпит свидетелей грязных дел! Любого члена ЦеКа, любого члена партии эти "чудодейственные" органы могут стереть в порошок, превратить в предателя – террориста, диверсанта, шпиона.

Если бы Сталин усомнился в самом себе – подтверждение последовало бы мгновенно.

Грозовые тучи нависли над партией. Одна моя ни в чем не повинная голова потянет еще тысячи невинных. Ведь нужно же создать "бухаринскую организацию", в действительности не существующую не только теперь, когда вот уже седьмой год у меня нет и тени разногласий с партией, но не существовавшую и раньше, в годы правой оппозиции, о тайных организациях Рютина, Угланова мне ничего известно не было. Я свои взгляды излагал вместе с Рыковым, Томским открыто.

С восемнадцатилетнего возраста я в партии и всегда целью моей жизнь была борьба за интересы рабочего класса, за победу социализма. В эти дни газета со святым названием "Правда" печатает гнусней-

шую ложь, что якобы я, Николай Бухарин, хотел уничтожить завоевание Октября, реставрировать капитализм. Это неслыханная наглость, это обман народа, это ложь, адекватна которой по наглости, по безответственности перед народом была бы только такая: обнаружилось, что Николай Романов всю свою жизнь посвятил борьбе с капитализмом и монархией, борьбе за осуществление пролетарской революции.

Если в методах построения социализма я не раз ошибался, пусть потомки не судят меня строже, чем это делал Владимир Ильич. Мы шли к единой цели впервые, еще не проторенным путем.

Другое было время, другие нравы. В "Правде" печатался дискуссионный листок, все спорили, искали путей, ссорились и мирились и шли дальше вперед вместе.

Обращаюсь к вам, будущее поколение руководителей партии, на исторической миссии которых лежит обязанность распутать чудовищный клубок преступлений, который в эти страшные дни с каждой минутой становится все грандиознее, разгорается как пламя и душит партию.

Ко всем членам партии обращаюсь! В эти, может быть, последние дни своей жизни я уверен, что фильтр истории рано или поздно неизбежно смоет грязь с моей головы! Никогда я не был предателем, за жизнь Ленина без колебания заплатил бы собственной, любил Кирова, ничего не затевал против Сталина. Прошу новое, молодое и честное поколение руководителей партии, зачитать мое письмо на пленуме ЦК, оправдать и восстановить меня в партии.

Знайτε товарищи, что на том знамени, которое вы понесете вперед победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови.

Н. Бухарин

В е р н о :

